

ФИЛОСОФИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.13)*

УДК 101

Л.В. Жаров, Е.О. Тищенко*Ростовский государственный**медицинский университет**г. Ростов-на-Дону, Россия**lars1942@mail.ru***АНДРОГИН И НЕОТЕНИЯ:
НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ*****[Leonid V. Zharov, Ekaterina O. Tischenko******Androgyne and neoteny: new level]***

It is analyzed the correlation of the notions «neoteny» and «androgyne» in the process of co-evolution of a natural base of a human and socio-cultural changes. It is grounded a tendency to the growing androgyne-nisation as a result of a cyclic change of neotenisation and acceleration of the society. There is a consideration of a specificity of the process as applied to realities and perspectives of the Russian civilization.

Key words: androgyne, neoteny, multimedia technologies, juveniles, millennials, pedocracy, transhumanism.

Глобальная информатизация общества в условиях стремительно развивающихся мультимедийных технологий заставляет искать приемлемых способов решения воспитательных проблем человечества, включая и духовные поиски, корни и истоки которых лежат в глубокой древности. В этой связи привлекают внимание два образца или архетипа – старый как мир «Андрогин» и сравнительно молодой неастенический «Божественный ребенок» как назвал его К. Юнг. И тот, и другой символизируют утраченную, но вновь и вновь искомую целостность человеческого существа. Они воспринимаются как бомба под основанием традиционного общества и его культуры и вызывают взаимоисключающие мнения предельной остроты. В них усматривают либо признаки окончательной деградации общества и семьи как его ячейки, либо как «хитрый ход» эволюции, давший возможность ускоренной адаптации человека и его пластичности. (Г. Башлер, А. Кеотлер, Н.Н. Иорданский, А.В.

Марков, Н.В. Клячин, Р.К. Ахмедов, С. Д. Хайтун, Д.М. Тайсаев и др.). Сосуществование мужского и женского «начал» в одном существе, их взаимопроникновение, дающее феномен Андрогина, сопрягается с полисексуальной революцией XXI века, с ее взрывными моделями полигендеонных небинарных характеристик современного человека и его виртуальным сексом. В то же время неотенизация и ювенализация стали символами XXI века, ярко проявившиеся в искусстве, быте, моделях поведения людей, заставляющих вспомнить евангельскую заповедь о том, что не войдет человек в Царство Небесное, если «не обратитесь и не будете как дети» (Мф. 18,1) [4]. Однако речь сейчас идет не о небесном, а о сугубо земном бытии, противоречия и парадоксы которого может вынести «детскость» в оценках и поведении.

Возникает вопрос об оценке этих феноменов, но не самих по себе, а как разных обликов единого архетипа, берущего свое начало в коренном и принципиально неустранимом противоречии природы человека, унаследованного эволюционно и меняющего свои облики в ходе истории. То что они взаимосвязаны не вызывает сомнений ни у одного из авторов, описывающих андрогинность и неотению, что сопровождается тезисами «назад в детство», «женщина – бэби», «неизбежный Анрогин», «дорогу ювеналам», символизирующими идеалы творчества, игры, магии, оптимизма в духе башляровского тезиса: «грежу – значит существую».

«Андрогинная неотеничность человечества может быть прослежена на расовом и популяционных уровнях (максимум у аборигенов Восточной Азии, минимум у европейцев), а также в данных детской и ювентильной психологии, начиная еще с классических работ М. Мид и С. Бем. Многие для понимания этого феномена может дать современная политическая теория и практика с выходящим на арену жизни поколением миллениалов (поколение Y) «вскормленных» мировой паутиной, что заставляет вспоминать о «духовной педократии» которую описали еще в начале XX века С. Булгаков. Приход цифровизации на смену «поколения Z» только обострит существующие проблемы и добавит принципиально новые, связанные с виртуализацией реальности и трансгуманизмом. Коренным образом могут измениться и сами понятия детства, и андрогинны векторов развития человека и человечества.

Если попытаться выделить абстрактно всеобщее в этом двуедином феномене, то можно полагать, что речь может идти о своеобразном пересечении

генетически обусловленных предпосылок как неотении, так и андрогинизма (включая его соматический уровень) с новыми и достаточно императивными потребностями социальной адаптации человека XXI века. Прежние установки на ускоренное взросление человечества для решения глобальных задач всеобщего преуспевания с осуществлением инфантилизма «лишних людей» оказались пагубными, поскольку «взрослый» рационализм привел к пределу развития, вызвав глобальный кризис, чреватый самоубийством человечества. Этот коренной и неустранимый порок, прежде всего западной цивилизации, связан с фетишизацией денег и власти, а от массового человека требуются не личностные качества, а умение быть взрослым и разумным в потреблении благ при жизни и полезным удобрием после смерти. В XX веке набрали силу всевозможные «телесные практики» как особое искусство существования «заботы о себе» (М. Фуко) с установкой на поддержание вечно юного (прежде всего женского) тела, что породило колоссальную индустрию моды бодибилдинга и биохакинга.

Но быть вечно юным как телесно, так и душевно означает среди прочих качеств и способность сочетать в себе качества обоих полов, т.е. быть потенциально бисексуальным или, шире говоря, андрогинным. На это обращал внимание еще М. Фуко, анализируя «бисексуальность греков» как свободу выбора в отношении обоих полов именно не из-за «двойственности», а «потому что природа вложила в сердце мужчины вождение по всем тем, кто «прекрасен» каков бы ни был при этом их пол».

Неотения как эволюционный признак человеческого рода, давший как известные преимущества, так и большие недостатки, оказалась сущностным способом, связанным и с андрогинным прошлым (начиная с известного платоновского мифа), и с настоящим (особенно в практике Серебряного века русской культуры), равно как и с потенциальным будущим человечества. Происходящие сейчас и набирающие силу процессы стирания половых и гендерных характеристик, унификации пола и гендера, рост числа агендерных и полигендерных феноменов, а также полиамории, производят впечатление вакханалии, вызывая обоснованные страхи и тревоги за будущее традиционного брака и семьи. Западная сексологическая мысль преуспела в обосновании неизбежности этих тенденций, делая акцент на неотъемлемом праве любого человека самому определять свою половую и гендерную специфику,

свое интимное «я» в отношении самого себя и потенциальных партнеров, делая это стилем жизни в духе «любви – слияния» (Э. Гидденс). Она, как подчеркивает автор, «не обязательно двуполая и, возможно, структурирована вокруг различия, которое предполагает модель чистых отношений, в которой центральным является знание характерных черт другого».

Таким образом, возрастно-половые детерминанты развития человека могут быть рассмотрены не в отрыве друг от друга и даже не в сравнении их характеристик, а как единый противоречивый процесс саморазвития человеческой природы, резко ускорившийся в конце XX века в силу преодоления ряда природных (генная инженерия, нейрокибернетика, чипирование и имплантология), а также культурально-цивилизационных стандартов развития, требующих новых подходов в мировоззренческих оценках этих явлений. В сущности, речь идет о коэволюции этих феноменов, давшей явление трансгрессии как «преодоления непреодолимого», на чем построена почти вся постмодернистская концепция человеческой сексуальности. (Ж. Батай, Ж. Делез, М. Гваттири и др.). Вспомним, что еще в конце XIX – начале XX века З. Фрейд взорвал все представления о ребенке как о бесполом ангеле, объявив его полиморфно-перверзным существом, в котором уже кроется вся потенциальная трансгрессия нарушений табу и запретов. Спустя столетия трансгрессия набрала силу и невиданные ранее масштабы став практически глобальным феноменом и манифестируя не только «расслоение половых ролей», но и гораздо более глубокую метаморфозу сознания и поведения андрогинного характера. Последнее включает в себя не только определенную феминизацию мозга и неотенизацию внешнего облика, что имеет, несомненно, адаптивный характер, но и своеобразное «перепрограммирование» ориентационных установок обретение новой «колоды любовных карт», реализуемых как в детстве и юности, так и у взрослых. На эти моменты обращено внимание в одной из наших ранних публикаций (2010 г). То что эта проблема вполне реальна свидетельствует принятие вскоре (2013 г) закона о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних (ст. 6.21 КоАП РФ). Неоднозначность восприятия этой нормы в обществе, равно как и недостаточная четкость в определении ключевых понятий, свидетельствует о сложности и неоднозначности ситуации и по-

буждает теоретическую мысль к дальнейшему анализу этой проблемы. Противостояние традиционности и нетрадиционности достигло политической остроты, хотя мировоззренческая суть проблемы остается еще во многом неясной, сугубо дискуссионной, уходящей истоками вглубь тысячелетий, и не имеющей однозначных решений. Это относится как к ситуации в отношении всех мировых цивилизаций, так и нашей отечественной, или шире говоря, славянско-православной.

Ранее одним из авторов нашего исследования была сделана попытка рассмотрения этапов становления детского самосознания в сфере Эроса, применительно к реалиям постсоветской России. Процесс носил характер нелинейного, трансгрессивного развития с элементами многочисленных бифуркаций и выраженным амбивалентным потенциалом. Научные публикации данных социологических исследований последних лет во многом подтвердили высказанные тогда гипотезы и обозначили новые грани проблемы, связанные с парадоксами социальной неотенизации и вариациями архетипа Андрогина в современном мире и России. В этой связи привлекает внимание концепция Н.В. Клягина, изложенная в ряде работ, суть которой в отслеживании чередования эпох акселерации и неотенизации в мировой и отечественной истории, проявляющихся в ускорении или торможении развития организма человека. Акселераты – люди с инфантилизированной психикой (дети «индиго»), склонные к революционным преобразованиям и страдающими от этого, в противоположность уравновешенным неотеникам, носителям духовных ценностей типа «загадочной русской души» и хранителям культурных достижений. Отсюда вытекает процесс инфантилизации современной культуры, игромания и гэмблинг, ставшие чуть ли не основной психологической проблемой нашей эпохи.

Действительно, можно исходя из этих данных спрогнозировать грядущие изменения, тем более что темпы их уверенно нарастают. Человечество находится сейчас в фазе акселерации, но это, в основном, относится к западной цивилизации и отчасти российской, ожидая очередную неотенизацию, в которой вновь можно ожидать воскрешения очередного Андрогина. Платоновский образ Андрогина, который может быть назван «золотым стандартом» этого архетипа сменился «серебряным Андрогоном» в отечественной культуре начала XX века, что совпало с неотеническими тенденциями, а последующий период,

который можно обозначить «медным веком», совпал с процессами акселерации развития, прежде всего физического и полового. Произошло то, что обозначается моделями медиализации и педагогизации сексуальной культуры, сопровождавшихся предельной примитивизацией поведения и, в то же время, усилением игрового элемента, который становится доминирующим.

«Детскость» и игровая гениальность, сопряженные с недостатком или полным отсутствием потребности в духовной жизни могут дать некоего монстра – продукт «черной неотении» (А. Дугин) взамен гераклитовского «играющего младенца» как символа вечной текучести мира. По сути конструируется еще один облик «сверхчеловека» как «сверхмладенца», для которого мир и люди не более чем персонажи компьютерной игры, манипулирование которыми означает, в сущности, божественную власть и возможности, а истинные цели далеко не ясны. Этот очередной «повелитель мира» отнюдь уже не юнгианский «божественный ребенок» как светлое будущее человечества, а его антипод, порожденный процессом виртуализации мира и резкой смены системы традиционных ценностей.

Итак, можно констатировать наличие парадокса, когда все самое чистое, светлое, гармоничное, талантливое, гениальное, что ассоциируется с образом Ребенка, может обернуться таким набором негативных качеств, о котором даже не помышляли наши консервативные предки. Если раньше дети так или иначе соприкасались с миром Эроса, включая архетипы Анрогина, испытывая всевозможные социально-психологические проблемы [5, с. 132], то теперь нужно разобраться и в соответствующих танатологических образах, деструктивных началах, агрессии и аутоагрессии, имеющих тенденцию к распространению в детской и молодежной средах. «Ангельский» ребенок обретает черты «дьявольского» существа, носителя сменяющих друг друга черт неотеника и акселерата, что делает внутренний мир человека крайне маргинальным, неустойчивым, склонным к трансгрессивному преодолению всех мыслимых пределов. Выход из этой непростой ситуации ранее усматривался в формировании андрогинного мировоззрения как попытки преодоления «половинчатости» пола и гендера как основного зла на путях обретения «духовной бисексуальности». Феномен Андрогина тем самым обретал черты радикального эсхатологического проекта, призванного если не спасти человечество, то, по крайней мере, отсрочить его гибель.

Важно подчеркнуть знаково-символический характер этого феномена, его реверсивность, т.е. способность добра оборачиваться злом и в то же время его алеаторность, или принципиальную непредсказуемость в функционировании. Эти моменты в свое время были блестяще охарактеризованы Ж. Бодрийяром в ряде работ, посвященных соблазну как подлинному смыслу мира и искусств, включая эротику. Соблазн в его концепции возвышеннее секса, ибо оперирует знаками, делает женщину видимостью и именно в этом видится ее сила. Андрогинность тут осмысливается в духе гипотезы «что женское вообще единственный пол, а мужское существует лишь благодаря сверхчеловеческому усилию и попытке оторваться от него» [2, с. 48], что выражается в игре симулякров, мире взаимного обольщения.

Так или иначе, но андрогинность во всех вариантах ее рассмотрения предстает как существенная и принципиально неустранимая ипостась природы человека, равно как и его духовной жизни, на обоснование чего много сил приложили классики отечественной мысли В. Соловьев и Н. Бердяев. Андрогинность действительно предстает как «соблазн», особенно в современном атомизированном обществе, где человек становится овеществленным и символическим, где нарастает кризис идентичности и подлинной коммуникативности. Сочетать в одном теле, душе и духе все богатство и мужского, и женского без антагонизма, свойственного этим качествам в межполовом взаимодействии, быть существом «мужеженским» или «женомужским» (в терминологии З. Гиппиус), сугубо земным в отличие от бердяевского образа андрогина как подобия Божьего, – есть ли что-либо более заманчивое для преодоления тенденций распада человека и общества? Не зря эта концепция так привлекла В. Соловьева, Н. Бердяева, П. Флоренского, З. Гиппиус, Д. Мережковского и других деятелей Серебряного века. Наш «медный век» трактует Андрогина скорее в духе истинного гермафродитизма транссексуального вектора развития, что с появлением первых генномодифицированных людей становится уже не столько моральной, сколько технологической проблемой.

Ясно одно – проблема, обозначенная в заглавии, являет собой как реальное противоречие развития человеческой природы эволюционного генеза, так и парадокс в познании феноменов неотении и андрогинизма в современном мире. Новые условия развития человека предполагают преодоление ста-

рых стереотипов, форм, методов и средств в воспитании личности. Дегуманизация человека и общества, разобщение поколений, разрушение духовных ценностей – лишь частичный перечень воспитательных проблем в открытом социуме. Необходимо творческое переосмысление отечественного опыта, служащего продуктивной основой формирования человека и сегодня. Актуальность модернизации воспитания личности приобретает глобальные масштабы с использованием мультимедийного пространства, взаимовлияющего на культурное развитие нашего общества в контексте мирового сообщества. Пунктирно обозначенные подходы к решению проблемы могут быть точками роста для дальнейших исследований.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Ахмедов Р.К.* Влияние возрастающей инфантильности общества на гендерную дифференциацию. “Известия Саратовского ун-та”. Серия: философия, психология, педагогика. Т. 16. 2016. № 2.
2. *Бодрийяр Жан.* Соблазн. Ad marginem. М., 2000.
3. *Гидденс Э.* Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004.
4. *Жаров Л.В.* Андрогинная идентичность русского человека: реалии и раздумья. Ростов-на-Дону: Изд. СКНЦ ВШ ЮФУ АПСН, 2010.
5. *Жаров Л.В.* Ребенок в мире эроса. Ростов-на-Дону: Изд-во СКН ВШ АПСН, 2006.
6. *Клягин Н.В.* Современная антропология. М: Логос, 2014. 624 с.
7. *Фуко Мишель.* Использование удовольствия. История сексуальности. СПб. Академический проект. Т.2. 2004. 317 с.

R E F E R E N C E S

1. *Akhmedov R.* The impact of increasing social immaturity on gender differentiation. “Proceedings of Saratov University”. Series: philosophy, psychology, pedagogy. Vol. 16. 2016. No 2.
2. *Baudrillard Jean.* Temptation. Ad Marginem. М., 2000.

3. *Giddens E.* Transformation of intimacy. SPb.: Peter, 2004.
4. *Zharov L.V.* Androgynous identity of the Russian people: realities and thoughts. Rostov-on-Don, 2010.
5. *Zharov L.V.* The child in the world of eros. Rostov-on-Don, 2006.
6. *Klyagin N.V.* Modern anthropology. M: Logos, 2014.
7. *Foucault Michel.* The use of pleasure. History of sexuality. SPb.: Academic project. Vol.2. 2004.

28 мая 2019 г.
